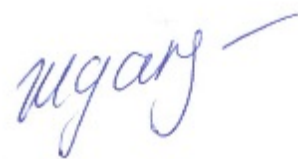

На правах рукописи

ЖДАНОВА Татьяна Алексеевна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОРУДИЙ ТРУДА В СОЦИАЛЬНОЙ
ПАМЯТИ НАРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ВОРОНЕЖ – 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Бабушкин Анатолий Павлович

Официальные оппоненты: **Дзюба Елена Вячеславовна**,
доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, доцент

Попова Нина Семеновна,
кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», кафедра иностранных языков, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

Защита состоится 2 марта 2017 г. в ___ часов ___ минут на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 при ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной библиотеке ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru/disser>.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Когнитивная наука, занимаясь изучением приобретения, переработки и использования информации человеком, наряду с другими дисциплинами обращается к памяти. Е.С. Кубрякова определяет память как когнитивную способность удерживать в голове информацию о мире и о самом себе, хранить накопленный опыт и знания в виде определенных «следов» – когнитивных ментальных репрезентаций, упорядочивать этот массив знаний, а также интегрировать их в единую систему для простоты оперирования и манипулирования имеющейся информацией [Кубрякова, 1996: 114].

Можно говорить о памяти одного человека или ячейки общества – семьи, можно – о памяти национального сообщества в целом. Суммарный опыт (в широком смысле этого слова), пережитый и переживаемый людьми совместно, называется социальной памятью.

Память обладает способностью удерживать образы некоторых реалий, вышедших из активного употребления. Эти образы в разной степени своей «прорисованности» сосуществуют с ментальными репрезентациями множества объектов, которые являются востребованными сегодняшним днем. К тем и другим относятся отраженные сознанием орудия труда, при этом историческая память должна рассматриваться как составная часть социальной памяти носителей языка.

Орудия труда играли и играют важнейшую роль в жизни социума. Этот факт нашел свое отражение в многочисленных исследованиях отечественных лингвистов. Номинации «орудийных» артефактов становились предметом анализа в рамках таких глобальных тем, как «Инструментальность» [С.Д. Кацнельсон, А.В. Бондарко, А.И. Фефилов, Г.А. Псарева, А.В. Кобцева], «Ремесло» [Ю.С. Степанов], «Труд», «Средство» [А.В. Бондарко], «Деятельность» [А.В. Кобцева]. Большая часть исследований существительных, обозначающих «орудия труда», связана с изучением их семантических и формальных признаков. Интересующая нас лексика упоминалась в связи со следующими проблемами: «Сочетаемость» [Е.В. Рахилина], «Связь «орудийных» существительных и глаголов» [Э.А. Лазарева], «Словообразовательная парадигма «орудийных» имен» [Т.С. Шиканова, Н.А. Толстова]. Приводились различные классификации наименований орудий труда по сферам применения последних и принципам их действия. Однако в изученной нами литературе когнитивные аспекты данного раздела словаря практически не разрабатывались. Более того, составляющие этого раздела не рассматривались с позиций социальной памяти.

Актуальность темы диссертационного сочинения заключается в исследовании лексических единиц «орудийной» тематики с платформы когнитивной лингвистики, науки, в центре которой находится язык как когнитивный инструмент в виде системы знаков, роль которых заключается в кодировании и в трансформировании информации [В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова]. При высказывании различных мнений об этой научной парадигме, когнитивный подход к языку и сегодня открывает новые горизонты лингвистических изысканий [В.А. Виноградов, А.Е. Кибрик, А.В. Кравченко].

При таком подходе возникает необходимость определения места «орудийных» концептов в картине мира, которые в нашей работе обозначаются термином «инсайты», поиска различных методов их выявления, то есть способов оязыкования соответствующих ментальных репрезентантов. С указанных выше позиций особый интерес вызывает рассмотрение метафор и образных сравнений, в которых задействованы названия различных орудий труда.

В качестве **объекта** исследования в диссертационной работе выступают номинации орудий труда и совершаемых с их помощью действий.

Предмет исследования – ментальные представления, репрезентируемые лексикой, называющей орудия труда.

Цель диссертационного сочинения заключается в выявлении специфики реализуемых в языке концептов – «инсайтов» в их историческом и современном формате.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1. Доказать, что план содержания «орудийных» номинаций в их прямом и переносном значениях являются продуктами социальной памяти, а именно – памяти предметной.
2. На основе анализа лексикографических толкований выявить семантику лексем, номинирующих орудия труда, что дает возможность судить о специфике «инсайта» как особой структуры представления знаний.
3. Раскрыть зависимость полноты словарных определений орудий труда от простоты или сложности их конструкции.
4. Показать динамику изменений в лексикографическом описании орудий труда в зависимости от их востребованности обществом.
5. Продемонстрировать способность мысленного восполнения целостного образа орудия труда по одной из его вербализованных деталей.
6. Исследовать образные переосмысления, выявляющие антропоцентрическую сущность орудий труда.
7. Сравнить функционирование данной лексики в русском и английском языках.

Методологическую и теоретическую базу работы составляют труды Ю.Д. Апресяна, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.А. Брутяна, В.Г. Гака, Ю.Н. Караулова, Г.А. Колшанского, О.А. Корнилова, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, А.А. Потебни, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телии, В.Н. Топорова, Л. Витгенштейна, Э. Дюркгейма, С.Д. Кацнельсона, Дж. Лакоффа, Х. Патнэма, М. Хальбвакса и других отечественных и зарубежных авторов.

Материал исследования составили существительные русского языка, обозначающие орудия труда, и их английские аналоги. Лексические единицы были выделены способом сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей. Проанализировано около 1000 примеров их употребления в произведениях русских и английских писателей, в материалах публицистического характера, фольклорных источниках, а также в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и в Британском национальном корпусе (<http://www.corpus.byu.edu>), [googl books \(books.google.ru\)](http://books.google.ru).

В процессе работы использовались следующие **методы**: метод анализа словарных дефиниций, методы контекстуального и сопоставительного анализа, метод корпусной лингвистики, метод интроспекции, методика количественных подсчетов.

Научная новизна работы обеспечивается тем, что в диссертации впервые:

1. Орудия труда рассматриваются как атрибуты социальной памяти – памяти о предметах окружающего нас мира, нашедшей своё выражение в единицах языковой системы.
2. В работе оговаривается ранее не отмеченное место «орудийных» концептов в концептосфере народа.
3. Монографическому исследованию подвергаются «инсайты» как практически не изученные с когнитивных позиций структуры представления знаний. Впервые указывается на то, что «инсайты» представляют собой синтез декларативных и процедурных видов знаний.
4. Прослеживаются способы и средства вербализации «инсайтов».
5. В научный оборот вводится понятие «обратной органопроекции» в виде возвращения «прямой органопроекции» на человека и его органы, нашедшей свое воплощение в языке.
6. На многочисленных примерах доказывается аналогичность анализа ментальных репрезентаций орудий труда в социальной памяти других народов (в частности, английского).

Теоретическая значимость исследования усматривается в многостороннем изучении ментальных репрезентаций предметов материального мира, хранимых

в социальной памяти носителей языка. В работе обосновывается существование «инсайтов» как особых структур представления знаний. Показано, что в «инсайтах» интегрируются знания об устройстве орудий труда и принципов работы с ними. Для когнитивной лингвистики знаковым окажется осознание «орудийного» сегмента концептосферы народа, так как оно влечет за собой изучение предложенным методом ее других участков. Важным является доказательство динамики социальной памяти народа при лексикографических описаниях орудий труда в словарях разных лет. Необходимо особо отметить введение понятия «обратной органопроекции» орудий труда, которые противопоставляются их «прямой органопроекции». К теоретической значимости работы следует также отнести демонстрацию универсального характера способа выявления ментальных репрезентаций орудий труда на примере английского языка.

Практическая значимость диссертации заключается в использовании ее результатов в разработках, связанных с понятиями «память», «социальная память» и «предметная память» с точки зрения когнитивной лингвистики. Результаты исследования найдут свое применение в процессе чтения лекций по проблемам теории языка, когнитивно ориентированного языкознания, лексической семантики, прагматики и ряда других лингвистических дисциплин. Возможно их применение в написании дипломных и курсовых работ. Полученные результаты могут быть использованы в докладах и сообщениях на научных конференциях различных уровней.

Апробация работы. Основные положения диссертации и выводы, полученные в ходе исследования, обсуждались на Всероссийской конференции «Актуальные проблемы профессионального образования. Цели, задачи и перспективы развития» (апрель 2011г, март 2013г.); на Международной конференции «Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции» (июнь 2012г.) в г. Воронеже; на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (октябрь 2012г.) в г. Тамбове; на научных сессиях Воронежского государственного университета (2013, 2014, 2015), а также на заседаниях кафедры иностранных языков и технологии перевода Воронежского государственного технического университета. Материалы диссертации отражены в 15 публикациях, 3 из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Знания о примитивных инструментах хранятся в социальной памяти народа, словарные обозначения этих инструментов объективируют реалии особой картины мира – «орудийной», которая наряду с другими используется для моделирования окружающей нас действительности.

2. Ментальные образы орудий труда представляют собой концепты особого рода, получивших в работе название «инсайтов», занимающих отдельный участок в системе концептуальных структур. «Инсайт» - структура, объясняющая, каким образом могут быть интегрированы декларативные знания (знания «что») и процедурные знания (знания «как»), которые формируют блок информации об устройстве и функционировании того или иного орудия труда. Словарные определения – один из видов объективации содержания «инсайтов».

3. Чем проще орудия труда, тем подробней их лексикографические толкования, что позволяет говорить о существовании обратно-пропорциональной зависимости между сложностью устройства и подробностью его словарного определения.

4. Образы орудий труда настолько четко представлены в сознании лингвокультурной общности, что достаточно вербализации одной детали для реконструкции целостного образа.

5. В предметной памяти языкового коллектива «стираются» некоторые детали устройства орудий труда, вышедших из употребления. Однако большинство продолжает жить в сознании языкового коллектива, и утрата деталей не влияет на их репрезентацию в целом.

6. Возникновение многих орудий труда объясняется явлением «органопроекции». В языке «органопроекция» выражается в метафорах и образных сравнениях. В свою очередь, есть метафоры и сравнения, рассматриваемые в качестве фактов «обратной органопроекции».

7. Успешное применение одного и того же метода к таким различным по грамматическому строю языкам, как русский и английский, представляется достаточным основанием для вывода об универсальности метода и его применимости ко всем остальным языкам.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, Теоретической главы, двух исследовательских глав, Заключения, Библиографии, Списка использованных словарей и их условных сокращений, Списка использованных интернет-ресурсов, Списка литературных источников исследования на русском и английском языках.

Во **Введении** обосновываются цели и задачи исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость работы, констатируются методы анализа, указываются источники исследования, определяются положения, выносимые на защиту. В **первой главе** диссертации рассматриваются теоретические основы исследования. **Вторая глава** посвящена анализу лексем, обозначающих орудия труда в их прямом и переносном значении на материале русского языка, **третья глава** прослеживает те же процессы на материале английского языка.

Заключение содержит основные итоги проведенной работы и намечает перспективы дальнейшего исследования.

Список использованной литературы состоит из 164 источников на русском и английском языках, 49 лексикографических источников, 33 интернет-ресурсов, 343 источников иллюстративных примеров на русском и английском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе диссертации «**Теоретические основы исследования**» в параграфе «**Социальная память и предметная память как вид социальной памяти**» социальная память трактуется как суммарный опыт, пережитый людьми совместно, как коллективные представления народа. Среди видовых ветвлений социальной памяти различают так называемую «предметную память». Именно она связана с рутинной практикой человеческого бытия, именно в ней хранятся образы вещей, в том числе артефактов, как используемых нашими современниками, так и отмеченных печатью времени.

Среди таких артефактов находят свое место орудия труда, которым посвящен параграф «**Орудия труда в социальной памяти**». В этих единицах памяти концентрируются сведения о прошлой и настоящей трудовой деятельности коллектива, хотя данные предметы были изначально созданы для выполнения практических работ, - в то время не задумывались о том, что они превратятся в средство передачи знаний. Изготовление и применение людьми простейших приспособлений выделили человека из «царства природы», ослабили его зависимость от среды обитания. Объединение людей в процессе труда породило необходимость общения и вело к возникновению речи и развитию мышления.

Однако, те, кто создавал орудия труда, под влиянием укоренившихся в определенный период истории мифологических воззрений, стали уступать приоритеты в их сотворении сверхъестественным силам. Так, по их верованиям, Бог дал Адаму плуг, Бог Сварог бросил на землю кузнечные клещи, а земледельцев, по воли «сверху», одаривали лопатами и серпами [Мифологический словарь 1990]. В свою очередь, топор и молот считались атрибутами божества – громовержца, а веретено – производным женских божеств, которые, якобы, сматывали на него нити человеческих жизней [Словарь символов, 2010: 224].

Время перелистнуло страницы первобытных верований. В сознании человечества укоренились вполне реалистические взгляды на процессы создания различных инструментов и приспособлений. Орудия труда лишились

своего сакрального ореола, в них теперь усматривались лишь памятники средств производства, многим из которых уготовлена судьба «живых памятников», так как ими люди успешно пользуются, как и многие тысячелетия тому назад.

Знания об орудиях труда и опыт обращения с ними создают особое информационное пространство, значительный по объему фрагмент «картины мира», рассматриваемый в параграфе **«Социальная память и картина мира»**. За этим понятием кроется попытка осмыслить мир в виде целостного образа, который складывается в сознании человека в процессе его познавательной деятельности.

Следует помнить, что «картина мира» воспринимается человеком фрагментарно в зависимости от жизненной сферы, того способа, общего метода, которым была получена. Есть «физическая картина мира», «картина мира» в сознании биолога-натуралиста, известны «религиозная картина мира», «художественная картина мира» и т.д.

Среди множества «тематических» картин мы выделяем так называемую «орудийную». Она содержит представления о простейших орудиях, занимающих отдельное место в сознании людей, включая сведения о конструктивном устройстве этих орудий, а так же о целях и способах их применения, которые накапливались у пользователей различных инструментов и приспособлений из поколения в поколение.

В параграфе **«Предпосылки к анализу ментальных репрезентаций орудий труда с позиций когнитивного и языкового «картирования» окружающей действительности»** речь идет о том, что изучением картин мира, наряду с другими дисциплинами, занимается когнитивная лингвистика, направление, исследующее разум, мышление, а так же процессы и состояния, с которыми они связаны [КСКТ, 1996: 58]. Как уже отмечалось, сегодня существуют разные взгляды на когнитивную лингвистику, особенно на издержки увлечения этим направлением в угоду устоявшейся моде, однако отзывы о новейших разработках, посвященных изучению взаимосвязи языка и мысли, реализующих когнитивный подход к этой проблеме [Кибрик, 2015] позволяют и далее идти по пути, проложенному нашими предшественниками.

В рамках этого направления принято говорить о когнитивной картине мира [Касевич, 2013: 37], вобравшей в себя многие уже отмеченные характеристики модели мира, всегда по сути своей когнитивной. Когнитивная картина мира, присущая сознанию коллективного сообщества людей, и есть продукт социальной памяти, а способность удерживать эту картину – функция социальной памяти.

В качестве формирующего звена когнитивной модели мира выступает концепт как квант структурированного знания [КСКТ, 1996: 90]. Изучение концептов считается одним из актуальных научных направлений, о чем свидетельствуют теоретические работы видных ученых: Алефиренко 2002, 2010; Бабушкин 1997; Болдырев 2001, 2009; Воркачев 2003; Залевская 2001; Кубрякова 1994, 1997, 2004; Карасик 2002, 2005; Лихачев 1993; Маслова В.А. 2011, Попова, Стернин 2002, 2007, 2010; Слышкин 2000, 2004; Степанов 1997; Телия 1996 и др.

«Концепты не являются однородными сущностями, поскольку «кусочки действительности», которые они отражают, не одинаковы по своей природе. Факт разнохарактерности последних рефлексруется концептами разных типов», пишет А.П. Бабушкин [Бабушкин, 1996: 95]. Наиболее часто по характеру содержания концептов и их представленности в сознании людей концепты подразделяются на ментальные сущности в виде «мыслительных картинок», «схем», «фреймов» и «сценариев». Анализ значений лексических единиц – это способ выявления концептов как факт их превращения из «вещи в себе» в «вещь для других». Для нас особый интерес представляют «мыслительные картинки», формируемые образными семами, и «сценарии», объективируемые семами действия и движения, развития событий.

В рамках своей типологии концептов А.П. Бабушкин выделяет также концепт – «инсайт», представляющий собой синтез «мыслительной картинки» и сопряженного с ней «сценария». Под ним понимается «упакованная» в слове информация о конструкции, внутреннем устройстве и функциональной предназначенности предмета, в том числе и «орудийного» [Там же, с. 56.]. Трактовка нового типа концепта «инсайт» согласуется с выделением двух видов знаний: декларативного (знания «что») и процедурного (знания «как»). Инсайт – это как раз такая структура, которая объясняет, каким образом эти два вида знаний могут быть интегрированы. Именно о репрезентации декларативных и процедурных знаний мы будем вести речь, говоря о «картиночный» образах и «образах действий», которыми орудия труда проецируются в сознании носителей языка.

Концепт (в том числе, с нашей точки зрения, и концепт «инсайт») следует признать результатом взаимодействия человека с окружающим миром, он отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного, профессионального и социального опыта [Лихачев, 1993: 3-9]. Опыт различается по значимости того или иного предмета или явления в жизни человека, следовательно, и концепты разнятся по ценностному фактору. Эта дифференциация основывается на существовании двух видов знаний по

степени их сложности (концептуально-простых и концептуально - сложных) [Болдырев, 2009: 35 – 41].

В связи с этим А. Вежбицкая предлагает разграничивать «концепт-минимум» и «концепт-максимум» (по мере их «простоты» или «сложности») [цит. по: Фрумкина, 2003: 50]. Данное разграничение перекликается с воззрениями А.А. Потебни, который ввел в научный оборот термины «ближайшее» и «дальнейшее» значения слова [Потебня, 1958: 19]. Очевидно, с учетом данной градации С.Д. Кацнельсон является сторонником деления понятий на «формальные» и «содержательные» [Кацнельсон, 1965: 18-25].

Если экстраполировать идеи ближайшего и дальнейшего значения слова (формального и содержательного понятий, концепта-минимума и концепта-максимума) на мыслительные формирования, которые стоят за номинациями простейших орудий труда (молоток, пила, грабли), то можно прийти к любопытному выводу: эти мыслительные сущности суть не что иное, как факт гибридизации двух указанных выше форм познания.

С одной стороны, они – в присущих им формате «понятны» практически всем носителям языка (независимо от того, пользуются они этими артефактами или нет), потому что данные предметы – элементарны по заложенному в них конструктивному замыслу, а с другой, знания, заключенные в значениях слов, которые обозначают те или иные простейшие орудия труда, - это тот максимум, который они в конечном итоге имплицитно имеют.

Другое дело – соотношение «максимума» и «минимума» знаний об орудиях труда – в анахронизмах (соха, прялка), но об этом случае следует говорить отдельно.

Для лингвиста важно то, что знания способны материализоваться, «осаждаться» в языковых построениях. «Проработанность» структур представления знаний, проблема их объективации языковыми знаками представляет для нас особый интерес. Ученые видят взаимосвязь между знанием людьми различных жизненных областей и их вербализацией. Ю.Н. Караулов ведет речь о неодинаковой степени семантической «прорисованности» таких сфер, как «Человек», «Земля», «Вселенная» [Караулов, 1976], а Х. Патнэм выступает с идеей лингвистического разделения труда [Патнэм, 1999: 181] в том плане, что нет необходимости каждому человеку владеть исчерпывающей информацией относительно вещей, далеких от его потребностей и интересов, уметь их профессионально описывать – удел специалистов. Лексика, обозначающая орудия труда, соотносится с самой разработанной сферой словаря – «Человек», а именно, с его подразделом – «Человек в труде». Простейшие орудия труда наиболее понятны и близки людям, и не случайно именно их вербальная объективация является подробно

представленной в различных письменных источниках, а также в научных изысканиях отечественных лингвистов.

От идеи языковой картины мира в разделе **«Образы «орудийных» номинаций в сознании носителей языка»** на основании рассмотренных подходов делается вывод, что знания об орудиях труда в их целостном облике определяются пониманием их «конструктивных» особенностей, обеспечивающих функциональную предназначенность этих орудий. С нашей точки зрения, их образ во многом совпадает со словарными обозначениями интересующих нас артефактов, анализируемых в параграфе **«Лексикографические толкования как средство вербальной объективации ментальных репрезентаций орудий труда»**.

В отношении словарной фиксации «орудийных» наименований нами высказывается следующее предположение: чем проще орудие труда, тем подробнее его вербальное представление в словарных определениях. Говорить об «инсайтах» сложных агрегатов, приспособлений и машин (то есть описывать их внутреннее устройство) равнозначно бы было толкованию «дальнейших» значений слов, а это уже задача специальных словарей и справочников.

Соотношение «ближайших» и «дальнейших» значений слов будет отличаться в различные периоды времени. Нашим предкам было известно о сохе всё в мельчайших деталях; она существовала в их сознании как концепт-максимум, а сейчас, за ненадобностью, сохранена лишь крупница информации. Сказанное выше подтверждается анализом словарных дефиниций различных инструментов и приспособлений по лексикографическим источникам разных лет изданий (со времен В.И. Даля до наших дней).

При умозрительной реконструкции образа, который индуцирует словарное определение того или иного орудия труда, возникает вопрос, почему именно в данной конфигурации породила его «конструктивная» мысль наших далеких предков, освещаемый параграфом **«Антропоморфный характер «картинных» образов и образов действий орудий труда»**.

В своих истоках многие орудия труда возникли в результате того, что человек бессознательно воспроизводил в них самого себя, «вторя» функциям собственного тела. Это явление Э. Капп обозначил термином «органопроекция».

Например, рука являлась общим прототипом всех, так называемых ручных орудий. Рукоятка молотка служила как бы продолжением руки, а сам «первобытный» молоток заменял кулак. Для лопаты, граблей и плуга были свои «образцы» - кисти рук, ладони, пальцы с ногтями, так удобными для земляных работ. Способность зубов крепко удерживать куски добытой человеком пищи привела к идее создания клещей и тисков, а крошить – пилы [Капп, 1925: 95-

104]. Факты «прямой» органопроекции в их языковом проявлении можно усмотреть и в номинациях терминологического характера. Например, в «стертых» метафорах, типа: «ручки» ножниц, «головка» молотка.

Но существует и обратный процесс. В загадках, метафорах и образных сравнениях названия «орудийных» артефактов переносятся на человека или его «корпусные» детали, тем самым указывая на существование между ними внешнего сходства или функционального подобия. Широко известны такие образные обороты, как «руки, как грабли», «сердце стучит, как молоток» и им подобные. Данное явление представлено в работе термином «обратная органопроекция».

В параграфе **«Орудия труда в устойчивых выражениях языка»** метафоры, образные сравнения и загадки, возникшие в народе много веков тому назад и дошедшие до наших дней, рассматриваются как явления предметной памяти – подвида социальной памяти человечества.

Во II главе диссертации «Репрезентация орудий труда в русском языке рассматриваются вербализации ментальных образов орудий труда, причем слова, их обозначающие, выступают как в прямом, так и в переносном значении. В первой части практической главы исследования **«Картиночные образы орудий труда и образы действий с ними, хранимые в денотативных значениях лексем русского языка»** в параграфе **«Орудия труда в русских словарных дефинициях»** приводятся толкования лексем, представляющих орудия труда, с целью показать содержание образов орудий труда и стереотипных действий с ними в сознании человека, говорящего по-русски. Дефиниция примитивного инструмента при этом понимается как объективация стоящей за словом когнитивной структуры, которую мы вслед за А.П. Бабушкиным и называем «инсайтом».

Так, словарь указывает на конфигурационные особенности «серпа» и описывает способ его применения: *«в виде сильно изогнутого мелкозазубренного ножа для срезания хлебных злаков с корня»* (МАС, т.4: 83).

В других словарях «серп» представляется *«в виде изогнутого полукругом мелко зазубренного ножа»* (СРЯ, 1981: 635), или *«ручного сельскохозяйственного орудия в форме тонкого полумесяца, предназначенного для срезания злачных растений»* (Черных 1994, Т.2: 560).

Подчеркивается мысль о том, что технический прогресс, появление усложненных форм орудий труда (различных устройств, приспособлений, механизмов) оказывают свое воздействие на содержание словарных дефиниций. Подробности их устройства важны только для специалистов соответствующего профиля и, по мере необходимости, они могут быть

найжены в особой, технической литературе, остающейся за рамками лингвистических исследований.

В разделе «Стирание образов орудий труда из социальной памяти народа» получает разработку идея о том, что каждая эпоха обладает собственными знаниями о мире, в связи с чем отдельному анализу подвергаются лексикографические толкования орудий труда в словарях разных лет издания. Сопоставив эти определения, можно увидеть, как трансформировались образные репрезентации орудий в ходе исторического развития социума.

Соху, являющуюся главным почвообрабатывающим орудием русских крестьян до 30-х годов XX века, В.И. Даль описывал следующим образом: *«самое простое крестьянское орудие пашни; основа сохи колодка, поперечный чурбан, в колодку вделываются наглухо спереди обжи (оглобли), сзади рукояти, разного вида, рассохой (рогаль) или поперечным брусом (казачка); под колодкой полоз, подошва или рассоха, на развилье которой насаживаются сошники, лемехи; над ними полица, железная лопаточка, которой ручка закручена под (при) тужинами (веревкою накрест), перекадывается по обе стороны и служит для отвалу земли»* [Даль 1956, т.4: 283]. Дается подробная информация об устройстве и дизайне данного орудия труда с употреблением слов - архаизмов.

Из числа характеристик, упомянутых ранее, в современных толкованиях фиксируется лишь предназначение инструмента: *«примитивное сельскохозяйственное орудие для вспашки земли»* [СРЯ, 1981: 669].

Последняя дефиниция выявляет интересную особенность механизма социальной памяти: процедурные знания об орудиях труда, их производственная предназначенность оказываются более устойчивыми к воздействию времени, чем присущие им «картиночные» характеристики, индуцированные декларативным знанием. Наверно, можно говорить о том, что утрата декларативного знания при сохранении процедурного – один из механизмов социальной памяти.

Более того, можно высказать предположение, что для современного поколения молодых людей, изображение сохи (в отсутствие исторических пояснений) может остаться не узнаваемым, а для самых юных носителей языка само слово «соха» способно обернуться «пустым звуком». Это явление хорошо подметил автор романа «Черная обезьяна» В. Пелевин, описывая занятия малышкой с русской «азбукой в картинках»: *Иллюстрацией к букве «С» была соха, которую я в последний раз видел более четверти века назад. Для детей соха имела столько же смысла, сколько синус или секвестр* (Пелевин, 2011: 109).

Число подобных иллюстраций можно умножить. Так, по определению великого русского лексиколога, веретено – это *«простое, ручное орудие для пряжи, для ручного прядения: деревянная, точеная палочка, четверти в полторы, острая к верхнему концу и утонченная к нижней трети, с зарубкою и круто заостренной пяtkою»* (Даль, 1956, т.1: 180).

В наши дни нет необходимости вдаваться в подробности описания веретена, предмета давно ушедшего в историю крестьянского быта. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой поясняет, что веретено – *«приспособление для прядения, представляющее собой утолщенный стержень для навивания нити»* (СРЯ, 1981: 67).

И этот процесс вполне естественен. Выход орудий труда из активного использования влечет за собой забвение тех деталей, которые раньше были важны для пользователя, а вместе с ними из словаря носителей языка исчезают слова, обозначавшие эти детали, (тем не менее, само слово продолжает жить, хотя для молодого поколения носителей языка и создаются словари устаревшей лексики).

В параграфе **«Русские наименования орудий труда в контекстных реализациях»** рассмотрены примеры из художественной литературы, вербализующие отдельную деталь простейшего орудия труда из числа, ему присущих. Главная мысль этого раздела работы состоит в том, чтобы доказать, что в социальной памяти носителей русского языка существует целостный образ того или иного орудия труда, примерно равный определениям, закрепленным в словаре, и объективация одной-двух деталей позволяет мгновенно реализовать в сознании всю *«мыслительную картинку»* целиком, демонстрируя тем самым имплицитные знания как об устройстве соответствующего орудия труда, так и о его функциональной принадлежности.

Приведем нижеследующие примеры:

Особо впечатляли вилы с навозной накипью на зубцах и нарочито обломанным черенком (М. Елизаров. Библиотекарь). Если зубцы – неотъемлемая часть данного сельскохозяйственного орудия, то обломанный черенок – это дефект, нарушающий целостность образа.

Указание на отсутствие в ментальной репрезентации лексемы *«коса»* хотя бы одной детали, (важной для нормального функционирования орудия), воспринимается как *«дефект»* соответствующей мыслительной картинки: *Около него лежала маленькая котомка и коса без черенка* (М. Горький. Челкаш).

В приводимой ниже иллюстрации также упоминается лишь одна деталь граблей, но она воспринимается, как *«штрих»* к целостной картинке: *Шофер*

слез, обошел машину, выругался, подняв с земли оброненный кем-то железный зуб от грабель (А. Гайдар. Дым в лесу).

Добавим, что если обратиться к дефинициям приведенных нами «примитивов», то можно легко убедиться, что слово, «индуцирующее» «мыслительную картинку» инструмента, находит в них свое достойное место.

Во второй части данной главы работы «**Коннотативные значения «орудийных» лексем, выявляющие их антропоцентрическую сущность**», в разделе «**Образные переосмысления орудий труда в метафорах и сравнительных оборотах русского языка**» рассматриваются как собственно метафорические переносы, так и сравнительные обороты с союзами «будто», «словно», «как», «как если бы» и т.п., которые также способны вызывать в памяти человека соответствующие образы.

Уже отмечалось, что на детали «орудийных» артефактов часто проецируются части тела человека. Мы рассмотрели случаи «**прямой органопроекции**», выявляющей уподобление орудий труда антропоморфным объектам.

В отличие от органопроекции в ее историческом аспекте (рука – прообраз граблей, молотка и других простейших орудий труда), можно вести речь об органопроекции, запечатленных в технической терминологии, имея ввиду так называемые «стертые» метафоры, с одной стороны, утратившие аллюзию к конструктивным элементам человеческого тела, а с другой, своей формой, а иногда и своей функцией, вполне оправдывающие ту вербальную оболочку, которая когда-то была для них придумана.

Среди таких терминов нетрудно найти номинации, представленные в уменьшительно-ласкательной форме, типа **бородка** (деталь топора, поддерживающая топориче спереди), **язычок** (подвижная, укрепленная одним концом пластинка – **язычок** рубанка), **шейка** (узкая, утонченная часть чего-либо), **головка** (массивный брусок молотка, насаженный на рукоятку), **кулачок** (подвижное, толкающее звено в различных приспособлениях), **щечки** (название боковой части щипцов или плоскогубцев), **ушко** (отверстие в иголке для продевания нитки) и т.д.

От слова «рука» образовано имя тяжелого ручного молота – **ручник**. Остроконечные «волны» рабочей части пилы получили название **зубьев**. **Щека** выступает основанием для метафорического переосмысления боковой стороны лезвия топора. Концы клещей, тисков и некоторых других инструментов, служащие для зажима, известны как **губы**. **Плечо** – это термин, служащий для обозначения части рычага от опоры до точки приложения силы.

Приведем примеры из художественной литературы, демонстрирующие не только «стертые», но и авторские метафоры: *Мужчины покрепче берут*

трехрогие, специально для этого, вилы с длинными ручёнками и подают солому наверх (В. Тимофеев. Евдокия и четверо их сыновей).

Глупо ждать, пока тебя догонит одноногая, но проворная лопата (С. Д. Кржижановский. Мост через Стикс).

Топор зло косил блестящим кривым носом (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

Ножницы вжикнут и, разинув рот, пролетят поперек ткани (И. И. Катаев. Сердце).

Удары молотка сопоставимы с ударами сердца: *Его молоток бил тяжело и глухо, как сердце в часы волнений и недосыпа* (А. Дмитриев. Воскобоев и Елизавета).

Имеющиеся в русском языке образные сравнения выявляют и «обратную органопроекцию», иллюстрирующую уподобление орудиям труда конструктивных элементов человеческого тела:

Проводится аналогия между человеком и конфигурацией древнейшего орудия для вспашки земли: *Ну, чего стал, как врытая соха?* (М. А. Шолохов. Поднятая целина).

Рука видится похожей на различные орудия: *Он запустил руки, как вилы, в сани и выбросил на снег кучу грязнейших лохмотьев* (В. Я. Шишков. Пейпус-озеро).

Рука на ощупь оказалась крепкая, шершавая и твердая, как лопата (А. Геласимов. Степные боги).

Взгляд человека уподобляется действию инструмента для сверления или бурения: *Особенно боялись его глаз – маленькие, острые, они сверлили людей, точно стальные буравчики* (М. Горький. Мать).

Объектом сравнения становятся зубы: *Зубы были стиснуты, как клещи* (И. А. Бунин. Весенний вечер).

Раздел «Образные переосмысления орудий труда в русских загадках» во многом дублируют уже рассмотренный нами материал, демонстрирующий, как названия частей тела проецируются на те или иные орудия труда.

Устройство и функциональная принадлежность вилок кодируются посредством апелляции к антропоморфным номинациям: *Туловище деревянное, голова железная, по двору иньряет, золото собирает*.

В основе метафорического сближения «косы» и человека лежит внешнее подобие их силуэта: *Сама длинная, нос длинный, а ручки маленькие*.

Видится сходство деталей граблей с «пальцами» человека. Обыгрывается такое необходимое качество инструмента, как его заточенность. Подсказка дана в виде предназначения рабочего инструмента: *Стоят в один ряд острые пальчики – цап-царапки: подбирай охапки*.

Таким образом, процесс, называемый «органопроекцией», получает свое воплощение в загадках.

III глава «Репрезентация орудий труда в английском языке», так же как и русская практическая часть, посвящена анализу лексем «орудийной» тематики в их прямом и переносном значении. Предметом внимания первой части данной главы **««Картиночные» образы орудий труда и образы действий с ними, хранимые в денотативных значениях лексем английского языка»** выступают лексикографические толкования орудий труда, содержащие информацию об их конструктивных элементах и предназначении.

“Pitchfork” (вилы) описываются следующим образом: *“a long-handled farm tool with two long metal points, used esp. for lifting and throwing hay”* (LDCE 1992, V. 2: 783); – *«фермерский инструмент на длинной ручке с длинными металлическими штырями, используемый главным образом для поднимания и перекидывания сена»*.

“Scythe” (коса) - *«a tool with a slightly curved blade attached to a long handle, used for cutting long grass, corn, etc.»* (OALD 1995: 1057); - *«инструмент со слегка закругленным лезвием, прикрепленным к длинной ручке, используемый для срезки длинной травы, пшеницы»*. Возможно и уточнение: *«is worked with a swinging movement»* (LDCE 1992 V.2: 940); – *работа косой производится маховыми движениями (рук)*.

Отметим и свойственные языкам различия. Интересующие нас словарные определения отличаются по объему заложенной в них информации. Русские толкования более кратки по сравнению с английскими, подробно дифференцирующими функцию, которая может совсем отсутствовать в русском варианте их описания, что является подтверждением прагматичного подхода носителей английской речи к «орудийным» реалиям. Дело здесь в лексикографической традиции. Носители обоих языков прекрасно представляют топоры, лопаты, вилы и прочие орудия труда, в одинаковой мере знают их предназначение. Просто в одном случае вербализуется то, что в другом – имплицитруется. А это значит, что образы орудий труда живут в сознании «сами по себе», а словари по-разному фиксируют их содержание.

В разделе **«Стирание образов орудий труда из социальной памяти народа»**, к сожалению, мы не имели возможности пользоваться справочными изданиями на английском языке, которые могли бы быть хоть отчасти похожими на Толковый Словарь В.И. Даля. Поэтому мы ограничимся упоминанием лишь тех орудий труда, которые в далеком прошлом использовались носителями английского языка, а в настоящее время практически не употребляются. Тем не менее, наличие языковых единиц, их

обозначающих, в словарях (и особенно – в Лонгмановском словаре английского языка и культуры – Longman Dictionary of English Language and Culture), свидетельствует о том, что социальная память до сих пор удерживает эти номинации.

Так, например, слово «соха» звучит по-английски, как “wooden plough” – (букв.) «деревянный плуг». Любопытно, что Историко-этимологический словарь современного английского языка Н.Н. Маковского (далее – ИЭССАЯ) отмечает: «*плуг первоначально представлял собой палку*» (ИЭССАЯ: 258).

См. также “spindle (веретено) – «*a round pointed rod used for twisting the thread in spinning*», что в переводе звучит, как «*круглый, заостренный книзу стержень, используемый для скручивания нити из пряжи*».

В этой связи можно вспомнить и об английской прялке: Spinning – wheel – «*a small machine used especially formerly at home to spin thread*». [LDCE, 1995, V. 2: 1015]. – Прялка – *небольшое приспособление, которое раньше применялось для скручивания нити*. Сравните у В.И. Даля: «*снаряд для прядения без веретена: одна рука тянет нитку из кудели, а нога, подножкой, обращает колесо*» (Даль, 1956, т.3: 533). (Отсюда в английском варианте: spinning wheel – скручивающее колесо).

Несомненный интерес представляет тот факт, что в далеком прошлом наши предки пользовались идентичными орудиями труда, что свидетельствует о сходных моментах в развитии мировой цивилизации.

Раздел «**Английские наименования орудий труда в контекстных реализациях**», также, как и русская часть исследования, посвящен анализу примеров из художественных и публицистических произведений на английском языке с целью показать, что, упоминая какую-то одну – две детали, можно мысленно реконструировать весь набор «инсайтовых» характеристик конкретного артефакта.

В описании “spade” (лопаты) английские авторы отмечают две ее части: *I lowered the **blade** end of the spade in front of the snake's head* (S. James. The Knight). – *Я опустил **лезвие** лопаты к голове змеи*. (Таким образом, лезвие – главная, рабочая часть инструмента). Ручка лопаты – второй обязательно присущий ей элемент: *Charlie made the patient stand there on the path holding a spade horizontally with a hand at the **shaft*** (P. McGrath, K. Doubleday. Asylum). – *Чарли заставил пациента остановиться на дорожке, держа лопату горизонтально рукой за **черенок***.

Графическая схема “axe” (топора) прослеживается в контексте нижеследующего предложения: *He took a T-shaped axe with a long **handle*** (R. Whitby. Orizaba odyssey). – *Он взял T-образный топор с длинной **ручкой***.

«Инсайтовые» характеристики “hammer” (молотка) демонстрируются путем указания на внушительный вес головки молотка (что предполагает наличие других деталей этого инструмента для формирования его целостного образа). *Generally we use a hammer simply because it is a convenient and cheap way of getting a high local force, which we do by decelerating the heavy **head*** (J.E. Gordon. *Why you don't fall through the floor*). – *Обычно мы используем молоток просто потому, что это удобный и дешевый способ придать (руке) силу, нанося удары его тяжелой головой.*

Во второй части главы «Коннотативные значения «орудийных» лексем, выявляющие их антропоцентрическую сущность» раздел «Образные переосмысления орудий труда в метафорах и сравнительных оборотах английского языка» демонстрирует явление «прямой органопроекции» (иначе – «стертых метафор») на отдельных иллюстрациях из англоязычной художественной литературы, предлагаемые переводы которых были скорректированы по Русско-английскому техническому словарю под редакцией А.Е. Чернухина.

Исторически одна из деталей “harrow” (бороны) получила название “fingers” – (букв). «пальцы». (В восприятии людей, говорящих по-русски, это конечно не «пальцы», а «зубья», что и отражает перевод данного примера на русский язык). *A harrow is simply a number of rectangular grilles, connected to make a considerable width, with rows of short, blunt metal **fingers** that rake the ground.* (D. Bauer. *Prairie City*). *Борона – это просто ряд прямоугольных решеток, связанных, чтобы достичь определенной глубины рядами коротких тупых металлических зубьев, которые разгребают землю.* (В оригинале – “fingers”. Букв. – пальцев).

Металлическая планка “pitchfork” (вил) видится похожей на плечи человека. *My father stood his foot on metal **shoulders** of his **pitchfork**.* (K. Moses. *Sakewalk: A Memoir*). – *Отец поставил ногу на металлическую планку **вил**.* (В оригинале – “shoulders”. Букв. – плечи).

Примером «прямой органопроекции» служит употребление слова «нос» для характеристики лопаты (имеется ввиду рабочая часть данного инструмента): *Choose a **spade** that has a slightly pointy **nose** with upturned edges* (V. Widman. *Driving Skills: A Manual for On and Off Road Travel*). – *Выберите лопату со слегка заостренным лезвием и загнутыми краями* (В оригинале – «nose». Букв. – носом).

*Using the **square-nosed spade**, make a small soil excavation* (K. Coughlan, H. Cresswell, N. McKenzie. *Soil Physical Measurement and Interpretation for Land Evaluation*). – *Используя совковую лопату, снимите небольшой пласт земли.* (В оригинале – «square-nosed». Букв. – с носом).

От слова «голова» образовано название «рубящей» детали топора. «**Axe-heads brought over some distances might have been hafted**» (H. Williams. *Archaeologies of Remembrance: Death and Memory in Past Societies*). – *Привезенные из такой дали **головища топоров** могли бы уже быть насажены на рукоятки.* (Здесь прямой аналог “axe – heads” – от русского «голова»).

Приведем примеры и «**обратной органопроекции**».

Внешние очертания другого приспособления – вил – усматриваются в специфической конфигурации человеческого тела: *I couldn't stand **Ronald Reagan, who looked like a pitchfork*** (E. J. Gaines. *Bloodline*). – *Я не мог выносить **Рональда Рейгана, который выглядел, как вилы.***

Если человек чрезвычайно худ, есть основания сказать, что он похож на иглу: *You look as **slim as a needle*** (M. Bowring. *Vets in opposition*). – *Ты выглядишь **тонкой**, как **иголка**.*

От метафор и образных сравнений перейдем к разделу «**Образные переосмысления орудий труда в английских загадках**», которые также призваны объективировать в сознании тех, кто занят их дешифровкой, не только образы орудий труда, но и образы их действий. Орудиям труда присваиваются номинации, «дублирующие» внешнюю конфигурацию человека или конструктивные элементы его тела.

Этот факт можно проиллюстрировать следующими примерами: *It stands on the field with **legs spread (plow)***. – *Стоит на поле с **растопыренными ногами (плуг)**.* Такая характеристика орудия, как «горбатенький» наводит нас на мысль о живом существе. Подсказка здесь – предназначение данного орудия труда.

Признаки, с помощью которых в загадке шифруется «серп», «сняты» с корпуса человеческого тела, особенностей его фигуры: ***Stooped, hunched he knocked down all the grain (sickle)*** – ***Сутул, горбат, он уложил на землю все колосья (серп).***

*I have long wooden **body** and heavy metal **head**. My **head** is sharp with an adze and a chisel edge (hammer)*. – *У меня длинное **деревянное тело** и тяжелая **металлическая голова**. Моя **голова** – острая, под прямым углом и похожа на **зубило (молоток)**.*

См. Также: *What has **teeth** but no **mouth**?* (saw) – *Что имеет **зубы**, но не имеет **рта**?* (пила). Очевидно, данная загадка будет разгадана при определенном ограничении загадываемых предметов.

Приведенный материал позволяет прийти к следующим **выводам**: в социальной памяти людей есть особая сфера, в которой хранится информация о простейших орудиях труда и передаваемых вместе с ними из поколения в поколение жизненно важных сведениях о совокупности действий,

необходимых для обращения с этими вещами, в том числе, умениях, трудовых навыках создателей данных приспособлений.

Знания об их внешних характеристиках, а так же об их функциональной предназначенности запечатлены в словарных толкованиях и контекстных употреблениях, которые «прорисовывают» их примерно в том виде, в каком они представляются сознанию и хранятся в социальной памяти носителей языка.

При этом можно говорить о существовании обратно-пропорциональной зависимости между структурой представления знаний, которую мы называем «инсайтом», и ее словарным определением. Чем проще архитектура ментальной репрезентации, тем подробнее она прописана в словарных дефинициях, и это служит хорошим доказательством того, что в человеческом сознании «орудийно-инструментальные» образы отражаются с полным набором присущих им деталей.

Вместе с тем показано, что на лексикографических дефинициях лежит печать той эпохи, в которую они создаются. Соха, плуг остались в своих конструкциях такими же, какими они были сто – двести лет тому назад, но их некогда важные для сознания носителя языка детали утратили свою значимость, поэтому в дефинициях они отсутствуют, так как в настоящее время нет необходимости в более подробном толковании этих историзмов.

Любопытно, что образ орудия труда реализуется в мысли целиком, в полном своем формате, даже если вербально объективируется лишь один из конструктивных элементов того или иного «орудийного» артефакта, так как в голове человека содержатся знания устройства, известна и манера обращения с предметом. В данном факте реализуется еще одно доказательство существования «инсайта» в его целостной репрезентации.

При метафорическом переосмыслении орудий труда, их образных сравнениях и загадках технические примитивы раскрываются в полной мере как ментальные репрезентации, в которых закрепляются знания человеком об окружающем его мире и о нем самом, эти знания хранятся в социальной памяти людей. На конкретных примерах в работе демонстрируется процесс «органопроекции», при котором человек, создавая орудия труда по своему образу и подобию, наделяет их собственными характеристиками, а так же противоположная ему «обратная органопроекция», отражающая «приписывание» человеком собственных характеристик орудиям труда.

В Заключении работы подводятся итоги исследования и намечаются его перспективы, которые усматриваются в изучении концепта «инсайт» и стоящих за ним номинаций, выходящих за пределы русской и английской «орудийной картины мира». Явления, прослеженные нами на материале русского языка,

носят универсальный характер. Об этом свидетельствуют данные, полученные нами при анализе английских номинаций, обозначающих орудия труда. Подчеркивается абсолютное сходство структуры ментального концепта «инсайта» в русском и английском сознании людей, имеющим при этом сходное вербальное воплощение в прямых и образных значениях. Перспективу работы мы видим в дальнейшем изучении «инсайта» как особой структуры представления знаний, а так же в создании словаря метафор и образных сравнений, посвященных «орудийному» фрагменту языка.

Основное содержание диссертации отражено в **следующих публикациях:**

1. Жданова Т. А. Образ топора в языке и культуре / Т. А. Жданова // Актуальные проблемы профессионального образования. Цели, задачи и перспективы развития. Материалы 9-ой всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж: «Научная книга», 2011. – С. 342-346.
2. Жданова Т.А. Русские и английские метафоры с семантикой «приспособления и устройства» / Т.А. Жданова // Инновационные процессы в лингводидактике. Сборник научных трудов. Вып. 9. – Воронеж: ВГТУ, 2011. – С. 33-39.
3. Жданова Т.А. Образные значения номинаций орудий труда в русском и английском языках / Т.А. Жданова // Инновационные процессы в лингводидактике. Сборник научных трудов. Вып 10. – Воронеж: ВГТУ, 2012. – С. 46-53.
4. Жданова Т. А. Представления об орудиях труда в поговорках / Т.А. Жданова // Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции. Материалы международной молодежной научной школы. – Воронеж, 2012. – С. 115-116.
5. Жданова Т.А. Орудия труда в языковой репрезентации / Т. А. Жданова // Когнитивные исследования языка. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Выпуск 11. – Москва-Тамбов, 2012. – С. 438-441.
6. Жданова Т.А. Языковые средства репрезентации концепта «орудия труда» / Т.А. Жданова // Научный вестник. Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Вып. №2(18) – 2012. – С. 79-89.
7. Жданова Т.А. Verbal means of “instrumental” concept representation / Т.А. Жданова // Scientific Newsletter. Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series “Modern Linguistic and Methodical-and-didactic Researchers”. Issue 1 (1), 2012. – P. 63-71.

8. Жданова Т.А. Образы животных в загадках об орудиях труда / Т.А. Жданова // Актуальные проблемы профессионального образования: подходы и перспективы. Материалы 11 международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2013. – С.193-194.
9. Жданова Т.А. Образные средства представлений орудий труда в различных письменных источниках / Т.А. Жданова // Инновационные процессы в лингводидактике. Вып. 11. – Воронеж: ВГТУ, 2013. – С.30-35.
10. Жданова Т.А. Человек и орудия труда в образных репрезентациях / Т.А. Жданова, А.П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №2 – С. 5-8.
11. Жданова Т.А. Динамика репрезентаций орудий труда в лексикографических источниках / Т.А. Жданова / Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Воронеж, 2015. – С.9-13.
12. Жданова Т. А. Животные и орудия труда в образных репрезентациях / Т. А. Жданова / Инновационные процессы в лингводидактике. Вып. 13. – Воронеж: ВГТУ, 2015. – С. 86-91.
13. Жданова Т.А. Орудия труда с антропологических позиций / Т.А. Жданова / Materials of the XI International scientific and practical conference, «Fundamental and applied science», 2015. Volume 11. Philological sciences. Sheffield. Science and education LTD. – P. 29-31.
14. Жданова Т.А. Орудия труда в социальной памяти людей / Т. А. Жданова / Евразийский союз ученых. Часть 4. Филологические науки. – 2016. – №3 (24) – С. 124-126.
15. Zhdanova T.A. Labour instruments in social memory of people / Т.А. Zhdanova / *Experientia est optima magistra* (опыт – лучший учитель). Сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции. Вып. V. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016. – С. 136-139.

Работы № 5, 6, 10 опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК.